

Нона Алекс

**НАУЧИ МЕНЯ
ПАДАТЬ**

*Она боялась упасть.
Он научил ее летать.*

18+

Нона Алекс

Научи меня падать

«Автор»

2026

Алекс Н.

Научи меня падать / Н. Алекс — «Автор», 2026

Кристина Нестерова — лучшая на курсе. Безупречная техника, прямая спина, холодный взгляд. За спиной её зовут Снежной Королевой, и она не против: снег — чистый, белый, без единого следа. Никто не знает, что под снегом — трещины. Что дома её ждут запах валерьянки и мать, которая десять лет не выходит из своей комнаты. Что папа моет полы по ночам, оплачивая её пуанты. Никто не знает — и не должен. Пока в пару ей не ставят танцора, который чует ложь за версту. Евгений Земцов — стрит-денсер, разгильдяй и единственный, кто не смотрит на Кристину как на музейный экспонат. Их общий номер называется «Падение и полёт». Чтобы станцевать его, придётся научиться доверять. А это гораздо страшнее любого прыжка. Но что, если за его улыбкой скрывается то, о чём она даже не догадывается? История о танце, который обнажает душу. О любви, которая не обещает, что будет легко. И о выборе, который делаешь, когда земля уходит из-под ног.

© Алекс Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Кристина	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Нона Алекс

Научи меня падать

Пролог

Балетная пачка пахнет нафталином и старыми духами «Красная Москва».

Я нашла её на антресолях, когда мне было двенадцать, — засунутую в чёрный мусорный пакет, как будто кто-то хотел выбросить, но в последний момент передумал. Пачка пожелтела по краям, атлас потрескался, но на внутренней стороне пояса ещё можно было разобрать вышитые инициалы: *О. Т.* (Ольга Третьякова — девичья фамилия моей мамы).

Мне было восемь, когда всё случилось. Я помню её другой. Помню, как она заплетала мне волосы перед школой и напевала что-то из «Щелкунчика». У неё был тихий, немного дребезжащий голос, но абсолютный слух. Она никогда не фальшивила. Её руки пахли ванилью и сливочным маслом — она пекла печенье по субботам, даже когда денег почти не оставалось. *«Кристинка, смотри, у этого человечка будет шоколадная улыбка»*, — говорила она и выдавливала глазурь из пакетика.

Я помню, как она смеялась — запрокидывая голову, прикрывая рот ладонью, будто стесняясь собственной радости.

А потом случилась авария. Папа был за рулём. Мама была на шестом месяце беременности. Брата должны были назвать Мишей.

Миша не родился. Мама выжила. Но та Ольга, которая пекла печенье и напевала Чайковского, осталась в той машине — на переднем сиденье, в луже крови и осколков лобового стекла. Домой вернулась другая женщина. С маминым лицом, мамиными руками, но с чужими, пустыми глазами.

Сначала она просто молчала. Сидела на кухне, подперев щеку ладонью, и смотрела в одну точку на обоях. Папа говорил: *«Кристинка, не трогай маму, ей надо отдохнуть, она поправится»*. Я верила и ждала.

Потом появилась валерьянка. За ней — корвалол, и бутылки водки, которые папа прятал за стиральной машиной, а она всё равно находила. Она больше не пекла печенье. Она больше не пела. Иногда, в самые плохие дни, она разговаривала с тем, кого нет.

— Его бы звали Мишей, — сказала она однажды, глядя сквозь меня в тёмный угол кухни. — У него были бы твои глаза. И Пашины руки. Паша... Паша его убил.

Мне было десять. Я стояла босиком на холодном линолеуме и не знала, куда деть руки. В школе на уроках ритмики нас учили держать спину: *«Девочки, вы будущие лебеди, а не утки, подбородок выше, ямочку на шее покажи, ямочку!»*

Я показала ямочку. Мать этого не заметила. Она вообще меня теперь редко замечала — я была живым напоминанием о том, что она потеряла, и одновременно доказательством того, что она не справилась.

Теперь мне девятнадцать. Я учусь в лучшей танцевальной академии города. Моя спина прямая, как лезвие. Моя шея — лебединая. Мои пальцы на ногах стёрты в кровь, но я улыбаюсь, когда педагоги хвалят мою технику.

«Нестерова — ты статуя. Безупречная, но статуя».

Они не знают, что каждое утро я выхожу из квартиры, где в раковине лежит немытая сковородка с пригоревшей яичницей, а в коридоре стоит стойкий запах перегара и валерьянки. Они не знают, что мой отец, Павел Алексеевич Нестеров, мастер сборочного цеха, каждую ночь моет полы в холе бизнес-центра, чтобы оплатить мои пуанты. Они не знают, что моя мать

когда-то тоже стояла у станка — в этой самой пачке, которую я храню под кроватью в коробке из-под обуви.

Я никому не рассказываю о своей семье. В Академии я — Кристина Нестерова из хорошей семьи. Папа — инженер в строительной компании (неправда). Мама — домохозяйка, занимается благотворительностью (ложь). Мы живём в тихом районе, у нас лабрадор и воскресные обеды с бабушкиным фарфором (чушь, которую я придумала в четырнадцать и повторяю так часто, что почти сама в неё поверила).

В Академии меня зовут Снежной Королевой. Я не против. Снег — белый, чистый, безупречный.

Никто не догадывается, что под снегом — грязь.

И сегодня меня поставят в пару с человеком, который, кажется, умеет чують грязь за версту.

Его зовут Евгений Земцов. Он танцует свой уличный стрит так, будто ломает себе кости заново, и собирает в другом порядке. Он громкий, наглый, вечно жуёт жвачку и смотрит на меня как на музейный экспонат — с ленивым любопытством и без капли почтения. Говорят, он из богатой семьи, но съехал от родителей и живёт сам. Говорят, он пишет курсовые за мажоров и зарабатывает больше, чем наши педагоги. Говорят, он лучший в своём стиле, но классику ненавидит.

Я ему не верю. Я вообще никому не верю.

Но когда Аркадий Львович объявил наши фамилии в паре и велел выйти в центр зала, у меня внутри что-то оборвалось, как струна, которую перетянули на полтона выше, чем нужно.

Он вышел первым, встал напротив и ухмыльнулся.

— Ну что, Снежная Королева, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только я. — Покажешь, что у тебя под короной?

Я подняла подбородок выше.

— А ты уверен, что выдержишь?

Где-то в глубине зала Аркадий Львович хлопнул в ладоши. Начался отсчёт.

Глава 1

Кристина

Будильник зазвонил в пять сорок пять.

Я проснулась за минуту до него. Этому не учат в балетных классах — просыпаться раньше звонка, чтобы успеть натянуть лицо до того, как мир начнёт на тебя смотреть. Тело само помнило: сначала пальцы ног, медленно, проверить, не свело ли судорогой после вчерашней растяжки. Потом колени. Потом спина — осторожно, позвонок за позвонком, как бусины на нитке.

Будильник затрясся на тумбочке. Я накрыла его ладонью и сжала, пока он не затих.

За стеной было тихо. Это хорошо. Тишина означала, что мать ещё спит. Плохие дни начинались со звуков — звон стакана о край стола, шарканье тапок в коридор, неразборчивое бормотание, похожее на молитву или проклятие, никогда не угадаешь. Сегодня был хороший день. Пока.

Я встала и первым делом застелила кровать. Не потому, что люблю порядок. Потому что, если в комнате идеально, можно хотя бы на пять минут поверить, что и в остальной жизни тоже. Подушка — по центру. Одеяло — без единой складки. Старый плюшевый заяц, которого я не выбрасываю с восьми лет, — под подушку, с глаз долой. Единственная слабость, которую я себе позволяю.

Квартира Нестеровых — это двушка в хрущёвке на окраине. Кухня пять метров, ванная совмещённая, обои в коридоре отклеиваются по швам, и папа каждый месяц подклеивает их обойным клеем, купленным по акции в строительном. В гостиной стоит сервант с хрусталём, который мать собирала ещё до аварии, — шесть бокалов для шампанского, вазочка для варенья, сахарница с отбитой ручкой. Хрусталь никто не трогает. На нём пыль. Мать говорит, что это «парадное», хотя к нам никто не приходит в гости уже десять лет.

Я прошла на кухню. Отец уже ушёл — его смена на заводе начинается в шесть, но он всегда встаёт в четыре, чтобы приготовить мне завтрак. На плите, накрытая полотенцем, стояла тарелка с овсянкой. Рядом — термос с чаем и записка, написанная крупным, немного детским почерком: *«Кристина, хорошего дня. Я сегодня в ночную на мойку, вечером не жди. Папа»*.

Я перечитала записку дважды. «На мойку» означало, что он снова будет мыть полы в бизнес-центре после основной смены. Он никогда не жалуется. Он вообще почти не говорит о себе. Только иногда, когда думает, что я не слышу, он заходит в комнату к матери и говорит ей в темноту: *«Оль, ты толькоправляйся, Оль. Я всё вывезу. Ты главноеправляйся»*.

Она не отвечает.

Я съела овсянку стоя, глядя в окно на серый двор. В соседнем доме горело всего три окна. В одном из них кто-то делал зарядку — мелькали руки, вскинутые вверх. Я машинально выпрямила спину. Лопатки свела. Подбородок выше. Ямочку на шее.

В Академии это влезло в кровь. Я уже не могла сутулиться, даже когда никто не смотрит. Даже во сне, кажется, лежу с идеальной осанкой. Мать когда-то смеялась над этим: *«Ты у меня как струнка, Кристина. Спинку держишь — женихи падать будут»*. Это было до. До аварии. До Миши. До того, как она перестала замечать, держу я спину или нет.

Я помыла тарелку, вытерла её насухо и поставила в сушилку. Проверила, закрыт ли кран. Мать иногда встаёт ночью и открывает воду — просто так, течёт и течёт, а она стоит и смотрит. Папа потом платит по счётчикам.

В ванной я умылась ледяной водой. Отёков нет — я не ем после шести, даже если очень хочется. В балете лишний вес — это приговор. Не то чтобы меня собирались взвешивать перед

входом, как в некоторых училищах старой школы, но я сама себе надзиратель. Килограмм вверх — и поддержка становится тяжелее, партнёр чувствует, педагог видит, все замечают. Нельзя давать им повод.

Волосы — в тугой пучок. Никаких торчащих прядей. Лицо — чистое, без косметики, только бальзам для губ без цвета и запаха. Одежда: чёрные леггинсы, серая футболка, толстовка Академии с логотипом. Сумка через плечо. В сумке: пуанты, запасные ленты, бутылка воды, яблоко на случай голодного обморока, телефон и старая мамина пудреница, которую я ношу как талисман. Внутри пудреницы зеркальце треснуло ещё до моего рождения, но мать говорила, что это «на счастье». Я не верю в счастье, но пудреницу не выбрасываю.

Перед выходом я заглянула в комнату матери. Она спала, отвернувшись к стене. Одеяло сползло на пол, и я поправила его, стараясь не разбудить. На тумбочке стояла фотография — мама в той самой пачке, молодая, смеющаяся, с букетом ромашек. Папа ставит эту фотографию каждое утро, когда уходит на работу. Я не знаю, зачем. Может, чтобы она, проснувшись, вспомнила, кем была. Может, чтобы самому не забыть.

Я закрыла дверь. Выдохнула. Надела на лицо улыбку номер три — вежливую, нейтральную, подходящую для общественного транспорта.

И вышла в мир, где Кристина Нестерова — безупречная студентка элитной Академии танца, дочь инженера и домохозяйки, девочка без прошлого и без трещин.

Дорога до Академии занимала сорок минут. Метро, потом автобус, потом десять минут пешком через парк. Я люблю это время. В метро можно спрятаться в наушниках и притвориться, что ты — никто, просто тело в вагоне, такое же, как все. В автобусе хуже — там иногда встречаются знакомые, и приходится поддерживать разговор. Сегодня повезло: никого.

Академия выросла передо мной ровно в восемь пятнадцать. Стекланный фасад, четыре этажа, вывеска с золотыми буквами: «**Академия Современного и Классического Танца**». Студенты между собой зовут её «Башня» или «Стекляшка». Говорят, архитектор специально спроектировал здание так, чтобы оно отражало небо — символ полёта, стремления вверх. По моему, просто понты. Но красиво, не отнять.

Я прошла через турникет, поздоровалась с охранником дядей Толей (он единственный, кто знает, что я прихожу первой и ухожу последней, и никогда не задаёт вопросов). В раздевалке переоделась в тренировочное трико и балетки. Проверила ленты на пуантах — не перетёрлись ли. Всё в порядке.

Зал номер три. Мой любимый. Самый старый в Академии, с деревянным полом и огромными окнами во всю стену. Здесь пахнет канифолью, пылью и потом — запахом, который я люблю больше любых духов. Здесь я становлюсь собой. Той версией себя, которая не врёт.

Я встала к станку. Первая позиция. Плие.

Движение потекло само. Тело помнило всё, чему его учили с пяти лет — сначала в районном ДК, где папа платил копейки за абонемент, потом здесь, на гранте, выгрызенном зубами. Батман тандю. Гран батман. Арабеск. Я не думала. Я просто дышала в такт музыке, которую слышала только я.

В зеркале отражалась высокая худая девушка с острыми плечами и застывшим лицом. Она двигалась безупречно. Ни одной ошибки. Ни одной лишней эмоции.

Я смотрела на неё и не узнавала.

Когда-то, очень давно, я танцевала по-другому. Дома, перед мамой, я кружилась по комнате и падала на диван, хохоча. Мама хлопала в ладоши и кричала: «*Браво, балерина! Бис!*» Я не помню, когда перестала хохотать. Наверное, в тот день, когда мама перестала хлопать.

— Нестерова.

Я вздрогнула. В зеркале позади меня стоял Аркадий Львович — руководитель курса, сухой старик с палочкой, которую он никогда не использует для опоры, только для того, чтобы стучать по полу, привлекая внимание.

— Доброе утро, Аркадий Львович.

— Утро добрым бывает у тех, кто спит до полудня, — отрезал он. — Ты опять первая. Это похвально, но пахнет одержимостью. Танцовщик должен уметь отдыхать, иначе он сгорит.

— Я отдыхаю, — соврала я.

Он хмыкнул и постучал палочкой по моему плечу — легонько, поправляя осанку.

— Завтра в двенадцать общий сбор в зале номер один. Буду объявлять пары на Гала-концерт. Не опаздывай.

— Да, Аркадий Львович.

Он развернулся и пошёл к выходу, но у двери остановился.

— И да, Нестерова... Партнёр у тебя будет непростой. Морально готовься.

Дверь закрылась. Я осталась одна в пустом зале, глядя на своё отражение.

Непростой партнёр.

Я перебрала в уме всех, с кем могла бы встать в дуэт. Петр Воронцов — высокий, надёжный, из балетной династии, руки как стальные тросы. С ним я танцевала классику весь прошлый семестр. С ним спокойно. С ним я знаю, чего ожидать. Марк Соболев — тоже вариант, техничный, но с ленцой. Лев Корнеев — нет, он на полголовы ниже меня, неудобно в подержках.

Больше вариантов не было. Классических парней на курсе всего трое. Остальные — современники, стрит-денсеры, экспериментаторы. С ними меня никогда не ставили. Аркадий Львович берёт «чистоту стиля».

Или перестал беречь?

Я тряхнула головой. Неважно. Кого бы ни поставили — я справлюсь. Я всегда справляюсь. Потому что, если я не справлюсь, всё развалится. Грант. Академия. Будущее.

Я не могу развалиться. Я — статуя. Статуи не падают.

Я вернулась к станку. Плие. Глубже. Ещё глубже. До жжения в мышцах. До дрожи в коленях.

В коридоре послышались шаги и смех. Кто-то громко, нараспев, протянул:

— Зем-цов! Же-ня! Ты опять опоздал, Львович тебя приберёт!

— Переживёт, — донеслось в ответ. Голос был ленивый, с хрипотцой, как будто его обладатель только что проснулся и ещё не решил, стоит ли этот день его усилий.

Я не обернулась. Я смотрела в зеркало. В его дальнем углу мелькнула фигура — высокий парень в мешковатой толстовке с капюшоном, спортивных штанах и кроссовках, которые выглядели так, будто их жевали собаки. Темные волосы торчали во все стороны. В ухе — один маленький серебряный гвоздик.

Евгений Земцов.

Я видела его раньше, конечно. В Академии трудно кого-то не видеть — мы все варимся в одном котле. Но наши орбиты никогда не пересекались. Он — стрит-денс, я — классика. Он — шумная компания в столовой, я — одинокий столик у окна. Он — тот, кто может опоздать на разминку и не получить выговор, потому что Львович смотрит на него с каким-то странным, почти отеческим раздражением. Я — та, кто приходит первой и уходит последней, и Львович меня почти не замечает.

В зеркале наши взгляды встретились на долю секунды. Он смотрел на меня из-под капюшона — не нагло, не оценивающе, а как-то... изучающе. Будто прикидывал что-то в уме. Потом уголок его рта дёрнулся вверх, он кивнул мне — коротко, почти незаметно — и исчез из отражения.

Я выдохнула.

Плие. Глубже.

Весь день прошёл как в тумане. Классический станок, растяжка, репетиция кордебалетного номера, который мы готовили. Я двигалась механически, правильно. Педагог по классике,

Маргарита Сергеевна, даже сделала мне замечание: *«Нестерова, ты сегодня где-то не здесь. Соберись»*.

Я собралась. Внешне.

Внутри крутилось: *«Непростой партнёр»*. Почему Львович сказал это так, будто предупреждал о стихийном бедствии?

К вечеру, когда я переодевалась в раздевалке, зазвонил телефон. Папа.

— Кристинка, привет. Ты как?

— Нормально, пап. А ты?

— Я... — он замолчал на секунду. На заднем плане я услышала женский плач и звон стекла. — Я это... Кристинка, мама сегодня... в общем, день не очень. Ты не приезжай сразу домой, ладно? Погуляй где-нибудь. Я тут уберусь, и она успокоится. Хорошо?

У меня внутри всё сжалось в тугой балетный узел.

— Хорошо, пап.

— Умница. Я люблю тебя.

— И я тебя.

Он повесил трубку. Я стояла в пустой раздевалке, прижимая телефон к уху, в котором уже звучали короткие гудки. В зеркале напротив отражалась девушка с идеальной осанкой и абсолютно пустыми глазами.

Я убрала телефон в сумку. Надела толстовку. Вышла в коридор.

В Академии было уже почти пусто — только охранник на первом этаже да пара студентов из современного отделения, репетировавших в зале номер пять. Я пошла не к выходу, а в обратную сторону — к залу номер один. Тому самому, где завтра объявят пары.

Дверь была приоткрыта. Я заглянула внутрь.

На полу, скрестив ноги, сидел Земцов. Перед ним стоял ноутбук, в ушах — наушники. Он что-то печатал, быстро, не глядя на клавиши, и при этом едва заметно двигал головой в такт музыке, которую слышал только он. На экране ноутбука я разглядела открытый документ с заголовком *«Курсовая работа. Экономическая эффективность...»* — дальше было не прочитать.

Он почувствовал взгляд. Поднял голову. Вытащил один наушник.

— Заблудилась, Снежная Королева?

Я вздрогнула от прозвища.

— Нет. Просто проходила мимо.

— Проходила мимо зала номер один за час до закрытия, хотя твой зал — третий, в другом крыле? — он ухмыльнулся. — Убедительно.

Я не нашлась что ответить. Он смотрел на меня всё с тем же изучающим выражением, что и утром в зеркале. Потом неожиданно захлопнул ноутбук и встал.

— Знаешь, что я думаю, Нестерова?

— Мне неинтересно.

— А я всё равно скажу. Ты ходишь по этой Академии как по минному полю. Боишься ошибиться, боишься расслабиться, боишься, что кто-то увидит, какая ты на самом деле.

Кровь прилила к щекам. Я сжала лямку сумки так, что побелели костяшки.

— Ты меня не знаешь.

— Не знаю, — легко согласился он. — Но у меня нюх на таких, как ты. На тех, кто строит из себя идеальных.

Он подошёл ближе. Остановился в паре шагов. От него пахло кофе и чем-то сладким — жвачка, наверное.

— Завтра Львович объявит пары, — сказал он тише. — Я слышал, он хочет поставить эксперимент. Классика и стрит. Угадай, кто в списке?

Внутри у меня всё замерло.

— Этого не будет, — сказала я, но голос прозвучал неуверенно.

— Будет, Нестерова. И знаешь, что?

Он наклонился чуть ближе. Теперь я видела его глаза — светло-карие, почти золотые в свете коридорных ламп, с ленивым прищуром и искрами смеха где-то на дне.

— Я не твой идеальный Петр Воронцов. Я не буду держать тебя так, чтобы тебе было удобно. Я буду держать тебя так, чтобы тебе было страшно. А потом — так, чтобы ты перестала бояться. Это разные вещи.

Он выпрямился, закинул ноутбук в рюкзак и пошёл к выходу. У двери обернулся.

— До завтра, Снежная Королева. Выпись. Тебе понадобятся силы.

Дверь закрылась. Я осталась одна в пустом зале номер один. В зеркальной сте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.